

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

А. М. Калюта (Минск, Беларусь)

КАК ОШИБКИ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА ИЗМЕНЯЮТ САМ ЯЗЫК

Процесс естественного развития языка напрямую увязывают с изменениями, которые в нем происходят. Характер и темп изменений не одинаков на разных этапах существования языка: период относительного «застоя» сменяется периодом бурных изменений, вызванных как внешними причинами, так и внутриязыковыми. Язык постоянно требует обновлений, ибо без них он перестает отвечать на запросы носителей, не успевает за отражением изменяющегося мира. Самые заметные обновления наблюдаются, конечно, в лексике. Помимо собственных ресурсов язык пользуется заимствованиями, которые мы за чрезмерность называем лексической интервенцией: именно такой период переживает сейчас русский язык. Количество закрепившихся в последнее время в языке заимствований очень велико, а с учетом еще не устоявшихся, но уже зафиксированных – просто огромно! Естественно, что это все становится возможным так сказать «благодаря» носителям языка, многие из которых охотно используют иностранные «вливания» в своей речи: уборщик превратился в *специалиста по клинингу и вошингу*, обычная вечеринка – в *пати*, дом одежды – в *аутлет*, ворота – в *гейт*, внешний вид – в *лук*, а народ – в *пилл*. Редкие робкие голоса, призывающие к сдерживанию этого потока, к разумности в использовании заимствований, теряются в громком хоре любителей иностранщины.

Грамматические изменения тоже, конечно, происходят, но они не так бросаются в глаза, поскольку сильно растянуты во времени, обычно они заметны лишь специалистам. Такова тенденция к вытеснению формами множественного числа существительных на *-а* традиционных форм на *-ы/-и*: *директора, учителя, тренера, слесаря, токаря, веера, шинеля, прожектора, договора, крема, бухгалтера, повара, мастера, профессора, доктора, сектора, свитера, возраста, сторожа* и т. п. Некоторые из подобных форм уже обрели статус нормативных, другие же пока остаются в ранге просторечий, но имеют все шансы обрести законность.

Такова и тенденция к сдвигу грамматики в сторону аналитизма, проявляющаяся, в частности, в употреблении генеральной падежной формы при собственных именах несмотря на напрашивающуюся «законную» форму косвенного падежа: «*В Минске лихача на Audi на светофоре избивали двое из Ford*» (СТВ); «*В финале Кубка Англии в пользу «Арсенал» говорят две вещи*» (СЭ); «*Вкусный кофе только в «Макдональдс»*»; «*Я чувствую себя хорошо с Lenor*»; «*Специальный показ «Сталкер» с критиком Александром Долиным*» (Афиша TUT.by); «*Нижегородский бизнесмен вызвал по пьяни скорую и заблокировал ее своим*

«*Hammer*» (nn.ru); «*Во всех регионах Беларуси, кроме Минск, подорожал проезд*» (Telegraf.by); «*Леди Гага в Минске не будет*» (ПБ); «*Поехали на рыбалку с Андрей Д.*» (рыбацкий форум) и др. В этих и подобных им примерах постепенное языковое изменение происходит в результате сознательной речевой деятельности, входящей в противоречие с нормой языка.

Говоря об обновлениях в языке, М. А. Кронгауз выделил три словесных волны изменений после перестройки: бандитскую, профессиональную и гламурную, а нам кажется, что уже некоторое время мы находимся под воздействием еще одной, четвертой словесной волны, которую можно было бы условно назвать «культурная», помня о словах того же Кронгауза, что «мы живем в эпоху трансляции чужой культуры»: и вал заимствований разного рода не ослабевает, а кажется, даже прирастает, и чужие культурные ценности становятся объектом внимания и празднования славян (вспомним хотя бы Хэллоуин и День святого Валентина, день Сурка, День святого Патрика и восточные гороскопы).

На фоне участия широких масс носителей языка в процессах его обновления есть еще один канал, по которому проходят изменения. Имеются в виду те ошибки в речи отдельных носителей языка, которые, искажая значение или форму слов и словосочетаний, со временем становятся нормой. Вспомним классический пример появления в русском языке слова *зонтик* из голландского *zonnedeck* «шит от солнца» как результат неверного морфологического членения или слово *свидетель*, внутренняя форма которого восходит к корню со значением «*ведать*», а не «*видеть*» и др. Причины такого рода ошибок разные: ложное этимологизирование, невнимательность к форме (вспомним также и историю появления слова *зенит*), непонимание значения слова и как следствие ошибочное употребление его в ином смысле и контексте и даже естественная для речи пользователей экономия языковых средств, что особенно хорошо заметно во фразеологии.

Приведем несколько примеров.

Все у нас уже привыкли к *черным пятницам*: это выражение является калькой с английского *Black Friday*, обозначавшее день, открывающий сезон рождественских распродаж. Однако есть уже немало контекстов, в которых первоначальное значение идиомы размывается и разрушается, в результате чего *черной пятницей* называется не обязательно один конкретный день недели, а вообще любой день и даже несколько дней, к тому же не связанных с Рождеством. Так, реклама оповещает: «*Черная пятница с 22 по 25 февраля*»; «*В пятницу, субботу и воскресенье в универмаге – черная пятница*»; «*Черная пятница на Onliner пройдет с 28 ноября по 2 декабря включительно*» и т.д. Налицо деэтимологизация выражения, уход от первоначального значения в сторону его расширения. Возможно, новые контексты, в которых оказывается эта идиома, пока ощущаются как выходящие за рамки

логики языка и общей логики, но нарастание случаев ее использования именно в такого рода контекстах приведет к постепенному привыканию к новому смыслу и установлению новой нормы использования.

Еще одним примером речевой ошибки становится ставшее обычным в репортажах спортивных комментаторов употребление слова *экватор* в значении «временная точка, рубеж»: «Команды подошли уже к экватору периода», «На экваторе матча сохраняется равенство в счете» и даже «Идет экватор пятой минуты»! Совершенно очевидно, что происходит ошибочная метафоризация, вызванная смешением временного и пространственного смыслов, в результате чего слово приобретает новое значение и употребляется в несвойственных ему ранее контекстах. Налицо доминирование в сознании этих носителей семы «середина» при игнорировании остальных. По всей видимости, значение времени будет закрепляться за словом благодаря широкой аудитории слушателей, многие из которых его переймут и станут использовать и в иных, не связанных со спортом контекстах, что впрочем уже и происходит: *экватор дня, экватор лекции, экватор года*.

Категория вида в русском языке всегда была непростой для носителей языка в том числе и по причине встречающихся в ней нелитературных, просторечных форм: *ложить* вм. *класть*, к примеру. Такие глаголы по семантике одинаковы, но образуют видовые пары с разными корнями. В последнее время широко распространяется просторечная форма *словить* вм. литературного *поймать*: *вратарь словил мяч, я словил большого карася*. Если в Толковом словаре Ушакова (1935) форма *словить* имеет помету *прост.*, то в Большом толковом словаре Кузнецова (2014) имеется более «мягкая» помета *разг.* Конечно, пометы часто носят печать субъективности, но тот факт, что эта форма все чаще встречается в СМИ, вытесняя «законную» *поймать*, говорит о постепенном сдвиге нормы, которая полностью установится, когда уйдет поколение, воспитанное на старой традиции.

Много примеров лингвистических ошибок во фразеологии. Известно, что в историческом аспекте произошло урезание многих пословиц, что было вызвано и стремлением к экономии языковых средств, и, возможно, языковой некомпетентностью носителей. Закон языковой экономии в таких случаях срабатывал, поскольку говорившим как бы предполагалось, что первая часть пословицы вызовет у слушающего нужное продолжение в силу ассоциативного единства всем известной фразы, поэтому ее можно не договаривать – и так ясно, что следует за таким началом. Так в языке закрепились усеченные формы пословиц *рука руку моет* (а было когда-то продолжение *да обе свербят*), *у страха глаза велики* (опущено *а ничего не видят*), *голод не тетка* (*пирожка не даст*), *ласковое теля двух маток сосет* (а бодливое ни одной не увидит), *собаку съел* (а хвостом подавился), *ума палата* (да ключ потерял), *чем черт не шутит* (пока Бог спит), *язык мой – враг мой*

(*прежде ума глаголет*), *собака на сене (лежит, сама не ест и скотине не дает)* и др. В результате таких преобразований в разговорной практике постепенно складывались новые укороченные формы старых пословиц, за которыми следовали изменения в их семантике: ведь ясно, что, например, *собаку съел, а хвостом подавился* означает «человека, который сделал что-то трудное, а споткнулся на пустяке», а укороченная форма *собаку съел* имеет совсем иное значение «мастер своего дела».

Отдельную группу составляют фразеологизмы, в последнее время появившиеся в речи спортивных комментаторов как результат странной, алогичной метафоризации. Так, о проигрывавших командах, которым удастся все же отметиться результативными действиями, теперь говорят, что они *вернулись в игру*, хотя игроки боролись за победу в игре и пытались исправить положение и до этого. А привычное устойчивое выражение *выйти один на один*, когда игрок атакующей команды перед собой имеет только вратаря соперников, заменяется на *выйти один в ноль*, как будто чужой голкипер не человек или не виден комментатору. К сожалению, у этих носителей языка, в силу своей профессии имеющих большое влияние на аудиторию, отсутствует критическое отношение к собственной речи, и они не задумываются над сказанным, чем невольно расширяют границы распространения подобных перлов.

Таким образом, сознательная или случайная ошибка носителей языка способна превратиться в полноправный элемент практически любого языкового уровня. Это особенно быстро может происходить в период свободного доступа к информации при резко выросших возможностях ее приема и ретрансляции.

С. С. Костырева (Витебск, Беларусь)

ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ И ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ПРИЕМОВ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ АУДИРОВАНИЯ

Как известно, формирование навыков восприятия речи на слух в профессиональной среде осуществляется поэтапно с учетом возраста обучаемых, ступени образования, изучаемой тематики и т. п. При этом на всех этапах обучения декларируется конечная цель формирования и в последующем совершенствования этих навыков, которая состоит в формировании компетентности обучаемого эффективно решать коммуникативную задачу в ситуации естественного общения. Следовательно, обучаемый для эффективного решения коммуникативной задачи должен обладать развитой иноязычной коммуникативной компетенцией, что предполагает овладение механизмами речепорождения и речевосприятия.

Как показывает практика, при обучении студентов неязыковых вузов на этапе целеполагания формирование слухопроизносительных навыков в качестве основного навыка